

К 125-летию со дня рождения Евгения Шварца

Майкопские годы

Хроника в фотографиях и цитатах писателя

Национальная библиотека Республики Адыгея
Научно-методический отдел

К 125-летию со дня рождения Евгения Шварца

Майкопские годы.

Хроника в фотографиях и цитатах писателя

Майкоп
2021

Составитель: Тешева Ф. А.

Ответственный за выпуск: Кикова Б. А.

Майкопские годы: хроника в фотографиях и цитатах писателя : к 125-летию со дня рождения Евгения Шварца / Национальная библиотека Республики Адыгея; Научно-методический отдел; [составитель Тешева Ф. А.]. – Майкоп, 2021. – [17] с.

21 октября 2021 года исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного русского советского писателя и драматурга Е. Л. Шварца (1896–1958).

Детские и юношеские годы он провел в Майкопе. Он окончил здесь Алексеевское реальное училище. Отсюда уехал в Москву поступать в университет. Об этом периоде писатель всегда тепло вспоминал, и называл Майкоп родиной своей души.

Данное издание – это хроника майкопского периода в фотографиях и цитатах из воспоминаний писателя. В приложении дан раздел «Современники о Евгении Шварце».

г. Екатеринодар. 1899 г.

Евгений Львович Шварц родился 21 октября 1896 года в Казани в семье студента медицинского факультета Казанского университета Л. Б. Шварца и слушательницы акушерских курсов М. Ф. Шелковой.

... Мы много переезжали – вероятно, поэтому я помню себя столь маленьким. ... Поездки всегда были для меня праздником.

Отец, Лев Борисович, был хирургом. Он пел приятным и сильным баритоном, играл на скрипке, декламировал и участвовал в любительских спектаклях.

Дед, Борис Лукич Шварц, владелец мебельного магазина, с семьей жил в Екатеринодаре. ... по воспоминаниям сыновей, молчаливый, сдержанный и суровый, мне, внуку, представлялся мягким и ласковым.

Ф. С. Шелков. 1880-е гг.

Мать, Мария Федоровна Шелкова, была родом из Рязанской губернии.

... помню Рязань и дачу возле Рюминой рощи. Сюда я ездил с мамой на ее родину, к ее родителям ... Дед мой [Федор Сергеевич Шелков] был цирюльник в старинном смысле этого смысла. ... Несмотря на свою скромную профессию, дед всем детям дал образование.

Б. Л. Шварц с сыновьями. Слева направо: Самсон, Лев, Александр, Исаак.
Вторая половина 1880-х гг.

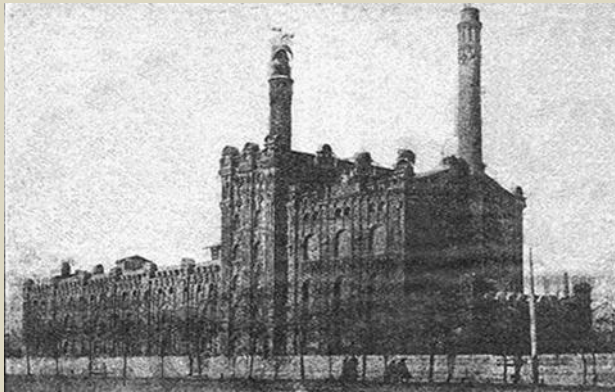
1902

... Но вот, наконец, совершается переезд в Майкоп, на родину моей души, в тот самый город, где вырос таким, как есть. Все, что было потом, развивало или приглушало то, что родилось в эти майкопские годы ... Майкоп был основан лет за сорок до нашего приезда.

... город летом стоял в зелени, казался чистеньким из-за выбеленных стен, но ранней весной, осенью, да и теплой зимой тонул в черноземной грязи. На тротуарах росла трава.

Майкоп. Начало XX века.

Пивоваренный завод. Начало XX века.

... Мы сидим с мамой на крылечке нашего белого домика. Я полон восторга: мимо городского сада, мимо пивного завода, мимо аптеки Горста движется удивительное шествие. ... цирк, приехавший в город, показывает себя майкопцам. Вот шествие проходит мимо нас: кони, ослы, верблюды, клоуны. Во главе шествия две амазонки под вуалями, в низеньких цилиндрах. ...

Кроме аптеки Горста, в Майкопе была еще аптека Альтшулера в самом центре города, на Брехаловке. Она походила на столичную аптеку, как рассказывали студенты наши, побывавшие в Москве и Петербурге.

Аптека Альтшулера на улице Соборной
(ул. Первомайская, 197)

У Горста висел на стене большой портрет Александра II. И вся обстановка казалась старинной, солидной. И рекламы глицеринового мыла № 4711, и стойки, и шкафы не сверкали и не сияли, а солидно поблескивали. Она, аптека Горста, вспоминается коричневой. Аптека же Альтшулера к тем временам переехала в их новый двухэтажный дом. Большие витрины. Шары за окнами. Синие. Вечером они бросали синие круглые отражения на асфальт – чуть ли не единственный в городе. Высокие стены, белые полки. Аптека Альтшулера вспоминается белой и светлой. Хозяин – с длинной, надвое разделенной белой бородой. Жена его – с мягким, добрым лицом, в очках. Фигуры привычные – в театре, на улице, в кино. Сын их, Володя, учился, кажется, за границей.

... Среди интересов, которыми я жил, чтение заняло уже некоторое место. ... Книги. В это время я читал уже хорошо. ... Я стал много читать. ... На 1903 год мне выписали журнал «Светлячок»... Был он тоненький. От номера до номера проходило невыносимо много времени, неделя в те времена казалась бесконечной.

... (было это летом 1902 года? ...) – я увидел семью Крачковских. Это событие произошло в поле, между городским садом и больницей. Перейдя калитку со ступеньками, мы прошли чуть вправо и уселись на траве, на лужайке. Недалеко от нас возле детской колясочки увидели мы худенькую даму в черном с исплуканным лицом. В детской коляске сидела большая девочка, лет двух. А недалеко собирала цветы ее четырехлетняя сестра такой красоты, что я заметил это еще до того, как мама, грустно и задумчиво качая головой, сказала: «Подумать только, что за красавица». Вьющиеся волосы ее сияли как нимб, глаза, большие, серо-голубые, глядели строго – вот какой увидел я впервые Милочку Крачковскую.

С родителями и братом. 1903 г.

... однажды я проснулся не у мамы в спальне, а в папином кабинете. ... Он сказал: «Одевайся скорей и идем. У тебя родился маленький брат». ... Несколько дней я был рад и счастлив тому, что в нашем доме произошло такое событие [рождение в сентябре брата Валентина]. Однако ... я постепенно стал ощущать, что дело-то получается неладное. Мама со всей шелковской, материнской, бесконечной и безумной любовью принялась растить младшего сына. ... Я все приглядывался, все удивлялся и, наконец, вознегодовал. И вознегодовавши, я воскликнул: «Жили, жили, вдруг – хлоп! Явился этот...»

... Пришел и день моего рождения, по старому стилю 8 октября 1902 года. Мне исполнилось шесть лет. Это первый день рождения, который я запомнил. Он праздновался особенно торжественно, и я получил много подарков.

1903

... началась новая зима 903/904 года. Осенью исполнилось мне семь лет. ... Я стал гораздо самостоятельнее. Я один ходил в библиотеку – вот тут и началась моя долгая, до сих пор не умершая любовь к правому крылу Пушкинского дома. ... Левее стола библиотekarши, у прохода в читальню, стоял другой стол, с журналами. Но в те годы читальный зал я не посещал. Я передавал библиотekarше прочитанную книгу и красную абонементную книжку, она отмечала день, в который я книгу возвращаю, и часто выговаривала мне за то, что читаю слишком быстро. Затем я сообщал ей, какую книжку хочу взять, или она уходила вглубь библиотеки, начинала искать подходящую для меня книгу.

Пушкинский народный дом

1904

Дом Соловьевых. 2021 г.

Сестры Соловьевы.
Середина 1900-х гг.

... Перехожу теперь к дому, который стал для меня впоследствии не менее близким, чем родной, и в котором я гостил месяцами. ... Это дом доктора Василия Федоровича Соловьева. Этот дом стоял на углу недалеко от армянской церкви, которая еще только строилась в те дни. Был он кирпичный, нештукатуренный. К нему примыкал большой сад, двор со службами. Направо от кирпичного дома стоял белый флигель. Здесь Василий Федорович принимал больных. ...

В октябре 1904 года исполнилось мне восемь лет. Доктор Островский подарил мне книгу Свирского «Рыжик», а папа – «Капитана Гаттераса» Жюль Верна. Обе книги надолго стали моими любимыми. ... В это время я часто бывал у Соловьевых. С Наташей я вечно ссорился, с Лелей отношения были равные, Варя дружила со мной, но я с ней держался несколько строго, ведь она была на два года моложе меня. Она все просилась к нам в гости, но я отклонял ее просьбы. ...

1905

Вот так и шли дни за днями, полные горестей и радостей, и приблизилась весна 1905 года. Я пошел держать экзамен в реальное училище. Оно, училище, готовилось уже к переезду в новое красивое двухэтажное здание... Старое реальное училище помещалось в белом просторном одноэтажном доме во дворе. ... Нас посадили за парты и дали задачи: сидящим направо – одни, сидящим налево – другие. ... задачу я не доделал. ... мне сказали, я «зачислен кандидатом». ... еще осенние испытания. После них состоится заседание педагогического совета и всех нас примут в подготовительный класс ... Я надел я впервые в жизни длинные темно-серые брюки и того же цвета форменную рубашку, и мне купили фуражку с гербом и сшили форменное пальто. ... Но вот список принятых повесили возле канцелярии училища, и мы с мамой отправились в магазин Мареева покупать учебники. ... мне купили и учебники, и тетради, и деревянный пенал, ... и, чтобы носить все это в училище, – ранец.

Майкопское реальное училище
(ул. Пушкина, 173)

С родителями и братом Валентином. 1906 г.

Дом Капустина (ул. Победы, 19)

1906

Итак, мы переехали опять в дом Капустина, и начался последний период нашей жизни в Майкопе ... В конце августа 1906 года отправился я в первый класс. Шел я в училище охотно. ... Кирпичное, нештукатуренное просторное здание училища было одним из самых больших в городе. Перед широкой стеклянной дверью большое крыльцо на кирпичных устоях. Крыша этого крыльца являлась балконом, на который мы попадали из зала. Балкон этот памятен мне особенно по экзаменам. Тут мы толпились во время устных экзаменов, ожидая вызова. Миновав крыльцо, мы попадали в вестибюль с кафельным полом. Пять-шесть ступенек – и вторые двери. Тоже стеклянные. Войдя в эти двери, мы попадали в коридор первого этажа. Направо – гардеробная младших и классы. Налево – гардеробная старших, учительская, кабинет директора, канцелярия. ... За раздевалкой, в начале коридора помещался химический кабинет. Здесь вечерами бывали у нас занятия по химии. Потом шли классы, потом в углу, где коридор поворачивал под прямым углом, как ему и подобает, помещался физический кабинет, потом классы, потом дверь на черную лестницу. Наверху, кроме классов, помещался еще зал ... С первого класса мечтал я о счастливом времени, когда попаду я в физический кабинет или рисовать – в рисовальном. Первый прельщал меня шкафами с непонятными приборами. Оборудован он был богато. Имелся даже рентгеновский аппарат, в то время еще редкость. Городская больница, помню, вывозила аппарат к себе, чтобы определить местонахождение пули у какого-то раненного на охоте или в драке... Рисовальный восхищал меня пюпитрами, расположенными амфитеатром.

1907 – 1908

... И вот пришло лето. На последнем уроке Бернгард Иванович раздал нам табели, пожал руки лучшим ученикам, и мне в том числе, поздравил с переходом во второй класс и простился с нами до осени ... В то майкопское лето я прочел впервые в жизни «Отверженных» Гюго. Книга сразу взяла меня за сердце. Читал я ее в соловьевском саду, влево от главной аллеи, расстелив плед под вишнями, читал, не отрываясь, до одури, до тумана в голове. ... Между аптекой Горста и летним помещением клуба зеленел пустырь, заросший бурьяном. Вниз шла лестница. ... Это место памятно мне и потому, что я часто ходил по деревянной лестнице ... к Белой купаться, и потому, что на пустыре выросло однажды полотняное строение, не такое высокое, как цирк-шапито, но зато более длинное, занявшее почти весь небольшой, впрочем, пустырь. Приехал зверинец со львом, медведями, дикобразом, пумой ... мы отправились на представление, так как в зверинце еще и представляли, о чем сообщали развешанные по городу афиши. ... Вышел силач с гирями. Повертелся на трапеции гимнаст, и вдруг ... На арену выбежала девочка моих лет с темными распущенными волосами. Глаза у нее были синие. Она танцевала и улыбалась. Девочка была в белом платье. ... В заключение рослый и стройный человек с белокурой бородкой вошел в клетку львицы. Он заставил ее прыгать в обруч, балансировать на доске ... приехал синемаграф, будут показывать картины, на которых все движется, как живое. Мне дали двадцать копеек и разрешили идти в Пушкинский дом, где должны были показывать эти чудеса ... висело туго натянутое белое полотно, политое водой. Вот на нем появился светящийся прямоугольник, неведомо откуда взявшийся. В те дни проекционная камера помещалась по ту сторону экрана. Затем он сменился названием картины, написанным не по-русски. Заиграл оркестр, и начались чудеса. Сначала мы увидели приключения неудачника ... Потом драму ... и в заключение нам показали индейцев в диких прериях. ... вспомнив отчетливее, я вижу, что детство мое продолжалось до лета 1908 года ...

1909 – 1910

Если первые школьные годы я ничего не приобретал, ... то за последний 1909/10 год я все-таки разбогател. ... у меня появились новые чувства: чувство моря, чувство гор, чувство лесных пространств, чувство длинной дороги. И чувства эти, овладевая мной, переделывали на время своего владычества и меня целиком ... Я писал не много и плохо, но умение меняться, входить полностью в новые впечатления или положения было началом настоящей работы. Чувство материала у меня определялось раньше чувства формы, раньше, чем я догадался, что это материал. Но я понимал смутно и туманно, что какое-то отношение к литературным моим не то что занятиям, а мечтаниям – имеет это недомашнее, небудничное состояние. Я прятал от всех мои стихи ...

С левой стороны примыкал [к городскому саду] Пушкинский дом – большое, как мне казалось тогда, красивое кирпичное здание. В одном крыле его помещалась городская библиотека, окна которой выходили в городской сад, а все остальное помещение было занято театром. ... Чтение было для меня наркотиком, без которого я уже тогда не мог обходиться. Было наслаждением. ... В то время началось у меня увлечение «Сатириконом»... Я с нетерпением ждал того дня недели, в который он обычно приходил. ... И вот обмен книги окончен. Я поворачиваю направо, к читальне. Беру со стола «Сатирикон». Иду по проходу – слева стена, справа за барьером книжные полки – и открываю дверь в читальный зал. Довольно просторный и очень светлый (его освещают два окна и стеклянная дверь, наглухо забитая), он весь почти занят огромным овальным столом, за которым сидят за газетами читатели. ... стоит круглый стол меньшего размера, чем овальный. Это мое любимое место, я сажусь у окна ... В окно я вижу городской сад с круглой площадкой под самой читальней, а за садовой оградой – улицу до самого завода. До самого пивного завода Чибичева я вижу улицу.

1911

Женя Шварц. 1911 г.

Пятый класс приближался к концу. ... Это было время «расцвета» моего города. Нефть! Англичане! Конторы «русского подданного» по фамилии Леопольд Луич Андрейс. Городским головой избран был Козополянский ... водопровод был выстроен и проведен во множество квартир. ... была проведена железная дорога в Майкоп. Поезда ходили только по линии Армавир – Майкоп. ... Я ходил на маленький майкопский вокзал и там любовался поездами. ... Если идти от Белой, от городского сада, то, пройдя весь город и большой пустырь за городом, ты приходишь к вокзалу. В маленьком белом домике появился, поселился столь мной обожаемый железнодорожный дух: и телеграфист за окнами, и касса, и даже буфет с длинным столом, покрытым белой скатертью, с пальмами и стойкой с особыми вокзальными закусками, с блеском никелированных крышек, с мрачным буфетчиком. И я очарованный всем этим, ходил на вокзал каждый день. И когда составлялся пассажирский поезд, я катался на ступеньках вагона, пока однажды сцепщик не прогнал меня. И я обиделся, и вокзал вдруг потерял для меня все очарование.

Проходил учебный год, приближались экзамены. ... У меня был страх остаться на второй год ... Весна к началу экзаменов в Майкопе была уже в разгаре. Цвели яблони в нашем саду, и в цветах жужжали пчелы. ... я перешел в шестой класс. Старшие решили, что мы уедем на лето сначала в Сочи, а потом в Красную Поляну ...

Музыку я любил всегда – и почтительной, и безнадежной любовью, веря в свою немзыкальность. ... Училище у нас было в основном казачье, а казаки народ музыкальный. Пели у нас на переменах, на прогулках, пели Соловьевы и Соколовы. ... У меня вдруг обнаружился сильный баритон ... И вместе с девочками Соловьевыми развивался музыкально и я. К этому времени я стал вдруг понимать Бетховена. ...

Ко времени образования (или открытия) народного университета Володя Альтшуллер уже кончил университет ... А в 11-м году он прочел первую лекцию ... Мы толпимся в фойе Пушкинского дома. ... Здесь и Женька Фрей, и Юрка Соколов, и Матюшка Поспеев. Пришла на лекцию и моя мама, и Беатриса, и Соловьевы. ... я вижу две косы, светящийся ореол волос над лбом – это Милочка в своем синем форменном платье ... Перед раздвижным занавесом, заменившим поднимающийся, с морем, Пушкиным, брызгами величиной с виноград, стоит столик с графином. Стул. Володя Альтшуллер появляется за столом. Воцаряется тишина. ... Увы, только две вещи занимают меня: я сам и Милочка. ... Помню чью-то лекцию о Лермонтове. ... Иногда я слушаю лектора. С горя. Если Милочка не приходит ...

Наши школьные вечера всегда казались необыкновенными ... На вешалках младших – пальто гимназисток, пахнет духами. В синих платьицах с белыми фартуками ... девочки. ... Освещены все длинные коридоры училища ... Налицо не только учителя, но и их жены. Все они вместе с членами родительского комитета будут сегодня помогать приему гостей ... в одном из классов вынесены парты, стоят столы с конфетами, пирожными, кипит огромный самовар ... Эстрады нет. Рояль стоит ближе к середине, перед первым рядом. Тут же выстраивается наш хор ... За хором кто-нибудь читал. Или мелодекламировал, что было модно. ... На наших вечерах иногда выступали и гимназистки. ... Затем выступал кто-нибудь из наших музыкантов – играл на скрипке маленький Терсек, иной раз составлялся квартет, струнный ... В заключение играл оркестр мандолинистов, балалаечников и гитаристов. ... Зал освобождали от стульев ... Деревянная створчатая стена раздвигалась ... и ... располагался с детства знакомый оркестр под управлением Рабиновича. Пол посыпали белым порошком. Мыльным, чтобы ноги скользили по крашенному деревянному полу, как по паркету. Воля Рудаков ... стройный, красивый, высокий и легкий, дирижировал вдохновенно танцами. «Вальс!» – объявлял он тенором и приглашал старшую Авшарову. И начиналась самая интересная главная, богатая событиями часть вечера, от которой зависело все.

2012

Лето ... незаметно-незаметно перешло в осень, а каникулы – в последний год учения в майкопском реальном училище ... я был полон одним: своей неизменной любовью... Занятия, уроки, будни, праздники – все это было фоном, который был сознаваем по одному признаку: мешал он или способствовал встречам с Милочкой. Итак, перейдя в шестой класс на шестнадцатом году жизни, я ... испытывал страстную потребность верить и знать, куда иду. ... Чувствование у меня смешивалось с уверенностью в будущей славе. Недоверие к себе – с неведомо, на чем основанной уверенностью в собственной гениальности. И ко всему этому – влюбленность, которая усиливалась с каждым днем. ... все это вышеописанное заключалось в неряшливом, невысоком подростке. ... мне исполнилось шестнадцать лет. ... Но я стал писать в эти дни. ... Писал просто потому, что был полон неопределенными поэтическими ощущениями. И вдруг мне пришло в голову, что я могу описать облако, которое, как палец, поднялось на горизонте. Я его не видел, а придумал. И это представление с непонятной мне силой просто ударило меня. Не самый этот образ – сознание того, что в стихотворении я хозяин. Что я могу придумывать. Эта мысль просто перевернула меня. ... Я словно заново научился ходить и смотреть, а главное, говорить. ... Итак, я писал помногу – целые поэмы. Названия этих первых вещей я помню до сих пор: «Мертвая зыбь», «Четыре раба», «Офелия» ... Были эти стихи необыкновенно мрачны. ... Рассказывалось все это тяжело, несладко, но я был счастлив и доволен. ... Я нашел дорогу к писательской работе. ... У папы на письменном столе лежали длинные полоски бумаги для рецептов. Вот на них-то я писал свои стихи, писал часто, чуть не каждую ночь – ведь они давались мне легко. И становились все неуклюжее ...

Ученики Майкопского реального училища.
Второй ряд, второй слева – Женя Шварц. 1912 г.

Людмила (Милочка)
Крачковская. 1912 г.

... у гимназисток будет вечер выпускниц и мы приглашены. ... И вот я пришел на вечер женскую гимназию. Это было одноэтажное здание, единственное, кажется, в Майкопе не выбеленное, а покрашенное клеевой краской в желтый цвет. Думаю, что это было одно из самых старых зданий в нашем молодом городе. Вероятно, здесь было что-то вроде офицерского собрания. Построено здание было в шестидесятых-семидесятых годах, но на Кавказе еще сохранялся в те годы николаевский, петербургский ампир. Высокие сводчатые окна, высокие потолки ...

... Мы [с Юрием Соколовым и Евгением Фреем] снялись втроем у Лабунковского, который считался лучшим фотографом...

Зимой приехала в Майкоп опера. ... Шли «Аида», «Кармен», даже «Борис Годунов». Это было событием. ... Слушал и «Аиду», и «Бориса Годунова» и вот тут оперу я полюбил.

Слева направо: Юра Соколов,
Женя Шварц и Женя Фрей.
1912 г.

1913

Пришли дни последних выпускных экзаменов, месяц прощания с майкопским реальным училищем. ... Мне выдали аттестат об окончании реального училища. Кем быть? Я давно решил стать писателем, но говорить об этом старшим остерегался. ... И, как все, не знающие, куда идти, я выбрал юридический факультет. ... Старшие решили так: послать мои документы в Коммерческий институт. Если меня туда не примут, то все-таки жить в Москве, слушать лекции в университете Шанявского и готовить латынь [обязательный предмет для поступления в университет, которого его не было в реальном училище] ... у папы отпуск, и он решает провести его в Москве ... мы приехали вечером и остановились на Тверской в меблированных комнатах ... Утром вышел я взглянуть на Москву. ... Отвратительная суэта, невысокие грязные дома ...

Я спустился к Охотному ряду – грязь, грязь – и дошел до Большого театра. Вот он мне понравился. ... В Коммерческом институте ... сообщили: «Не принят за отсутствием вакансии» ... Вскоре мы сняли комнату ... на Владимир-Долгоруковской улице ... Маленькие лавки, маленькие киношки, пивные ... Так вот она, столица! Вот предел мечтаний майкопской интеллигенции, город людей, из которых что-то вышло. ... На углах лоточники продавали виноград – новое разочарование. Ташкентский виноград по сравнению с нашим майкопским казался мне деревянным, не случайно засыпанным опилками, которые с трудом отмывались. Взяв у отца рубль, отправился я однажды в театр. Я, судя по Майкопу и Екатеринодару, считал, что подойдешь к кассе, купишь билет – и все. Но всюду все билеты были проданы.

... Познакомился я с [Володей Альтшуллером] ... посещая – точнее, притворяясь, что готовлюсь – к экзамену по латыни. После чистенького, выбеленного, светлого, хоть и немощного Майкопа осенняя, грязная, оскорбительно многолюдная Москва ошеломила меня. И вот тогда-то дом Альтшуллеров был для меня утешением иной раз. ... Итак, дни моей одинокой, самостоятельной ... жизни подходили к концу. Предполагалось, что я останусь в Москве на зимние каникулы, но я послал маме умоляющее, ласковое письмо с просьбой разрешить мне провести каникулы дома. ... И я уехал. ... Старшие подумали и решили, что я останусь дома. Решили, что латынь я могу выучить и в Майкопе и сдать ее весной при армавирской гимназии. ... Мне в октябре 13 года исполнилось семнадцать лет. Я считал себя взрослым, да, в сущности, так оно и было, если говорить об одной стороне жизни, и был полным идиотом во всем, что касалось практической, действенной, простейшей ее стороны. ... Поэтому мне и в голову не пришло пойти в какую-нибудь редакцию или к какому-нибудь писателю, показать, что пишу, сделать какой-нибудь шаг по писательской дороге, хотя уж давно не представлял себе другой.

Московский городской народный университет
им. А. Л. Шанявского.

1914

Майкоп. 1914 г.

Четырнадцатый год мы встретили весело, ходили ряжеными по знакомым. ... Я был одет маркизом, мне напудрили волосы, и все говорили, что это мне идет. ... Юрка Соколов появился в Майкопе очень рано. ... он не дожид второго семестра в Петербурге. Это при тогдашней предметной системе в университете было возможно, экзамены разрешалось сдавать и осенью ... мы ... почти не расставались. Юрка рисовал, а я валялся на диване в той самой комнате, где прошло столько дней моего детства. Валялся и читал. Либо мы разговаривали о том мире, в который входили. После долгих колебаний показал я Юрке свое стихотворение «Четыре раба», скрыв, что оно мое. А когда он сказал, что в стихотворении «что-то есть», я назвал автора с такой охотой, что Юрка улыбнулся. И с тех пор я все свои стихи показывал ему. ... И я обижался, если он ругал меня, и отчаянно, но не слишком уверенно спорил и полностью соглашался с ним, когда проходила обида. ... Итак, у меня было уже два читателя: Милочка и Юрка, а от всех остальных я скрывал свои стихи, как самую

большую тайну. Только в одной области был я скрытен еще более – в любви. Ни одному человеку не рассказывал я о своих любовных радостях и бедах и очень удивлялся, когда читал юмористические рассуждения о влюбленных, всем надоедающих своими излияниями.

Ближе к весне я вдруг стал брать у Марьи Гавриловны Петрожицкой уроки музыки. ... И к моему величайшему удивлению, я оказался музыкальным ... Учение пошло с неожиданной быстротой. Инструмента у нас не было, но Варя Соловьева, взявшая надо мною шефство, ... ловила меня на улице, один раз сняла с забора, через который я перелезал, убегая от нее, и с упорным, неподвижным лицом вела к роялю. И я сидел, и играл упражнения ... Марья Гавриловна выпустила меня на ежегодном концерте своих учеников весной 14 года. Приняли меня весело и добродушно – я играл после малышей, – долго хлопали и удивлялись, какие успехи сделал я за два месяца. ... Итак, я занимаюсь латынью и музыкой. ... я после Москвы наслаждался жизнью среди друзей, на юге, в маленьком, с детства понятном городе.

... Начались выпускные экзамены. И мне пришлось подналечь на занятия. И вот пришел ясный, совсем летний день, когда мы поехали в Армавир сдавать латынь. Нас было четверо: Жоржик Истаманов, Гостищев, Левка Камрас и я. ... И, стоя рядом перед грудью паровоза, мы мчались через кубанские степные знакомые места и чувствовали себя до того свободными, и счастливыми, и беспечными. Утром пошли мы на экзамен. ... Латинист сказал сердито, раздавая нам листки для перевода с латинского на русский: «Если что не поймете, меня спрашивайте». ... Спас меня устный экзамен.

В 1914 году Л. Б. Шварц с женой и младшим сыном уехал работать в Нижний Новгород. Женю на лето оставили у Соловьевых.

... И вдруг объявлена была всеобщая мобилизация. ... Многие из знакомых вдруг оказались военными, впервые услышал я слово «прапорщик». ... Пришло письмо от папы. Его нижегородская служба оборвалась. Он был назначен по мобилизации в войсковую больницу Екатеринодара. Я еще не мог представить себе, что спокойнейшей майкопской жизни с тоскливым безобразием праздников, с унынием плюшевых скатертей пришел конец. ... озабоченные взрослые обсуждали, когда кончится война, и тут ... услышал я, что продлится она несколько лет. Сказал это Василий Алексеевич Соколов. ... среди майкопской интеллигенции Соколовы отличались знаниями и умом. ... Все было окрашено войной. ... Ошеломленный войной и любовью, поехал я в Екатеринодар к родителям. ... Папа ходил в военной форме. ... Снова меня принялись одевать и обувать для Москвы. На этот раз в студенческую форму. Я подал заявление в канцелярию начальника области о выдаче свидетельства о благонадежности. Мне сказали, что его пошлют в Московский университет. ... В назначенный вечер явились мы на вокзал. У вагонов шла чуть ли не драка, но нам вручили билеты, и мы заняли плацкартные места. И я снова поехал в Москву, в ту Москву, о которой вспоминал с ужасом. Но на этот раз Тоня [Антон Исаакович Шварц], курсистки, с которыми мы познакомились дорогой, отличная погода – все утешало меня. Белые здания вокзалов курской дороги уже не казались мне чужими. Я ехал в студенческой форме, с Тоней. Вагон был полон студентами, все больше Коммерческого института, в большинстве грузинами и армянами. Все познакомились друг с другом, и главное московское горе – одиночество – теперь не грозило мне.

На Рождество Женя приезжал на неделю в Майкоп, затем уехал к родителям в Екатеринодар.

С родителями и братом Валентином. 1915 г.

Современники о писателе

Нашелся все-таки волшебник, который сохранив власть над детьми, сумел покорить и взрослых, вернул нам, бывшим детям, магическое очарование простых сказочных героев – злых драконов и говорящих котов.

Николай Акимов, театральный режиссер

При жизни Шварц не печатал своей «взрослой» прозы, все считал ее только «опытами». Он вообще был творчески мнителен, боялся, что ... по-настоящему не нашел себя, тогда как, на самом деле, был одним из самых оригинальных писателей.

Леонид Рахманов, писатель

Бывают пьесы исключительно детские. ... Много пьес пишется специально для взрослых ... у пьес Евгения Шварца, в каком бы театре они не ставились, такая же судьба, как у цветов, морского прибоя и других даров природы: их любят все, независимо от возраста.

Николай Акимов, театральный режиссер

У него вообще было замечательное умение понимать – свойство очень умного и сердечного человека.

Николай Чуковский, писатель

Удивительно, но, вероятно, закономерно, что именно сказочник, выдумщик и фантазер испытывал такую непримиримую вражду к мистификациям и притворству. Художник, безбоязненно вводивший своих зрителей в мир самого смелого и живого воображения, понимал, что настоящий, глубокий художественный вымысел не имеет и не может иметь ничего общего с антихудожественным беспардонным враньем.

Сергей Цимбал, театровед

... на каждого, кто встречался с Шварцем впервые, он производил впечатление коренного ленинградца, из тех, кого принято называть петербуржцами. ... большая культура, не односторонняя, не ограниченная рамками своей профессии, но свободно переходящая в соседние, а подчас и весьма отдаленные области знаний. ... Было в нем еще одно качество, которое служит одним из главных признаков истинного петербуржца, – его можно назвать воспитанностью.

Леонид Малюгин, драматург

Евгений Львович сам был того же склада, он был человек большого благородства, но так же, как и Чехов, умел прятать свое истинное лицо под маской шуток, иногда грубоватой.

Леонид Пантелеев, писатель

В среде, где шулки, смех и остроумные розыгрыши сочетались с самой серьезной работой [Детский отдел ОГИЗа], Евгений Львович был самым остроумным и к тому же самым доброжелательным человеком.

Вера Кетлинская, писательница

... последние десять-пятнадцать лет своей жизни Евгений Львович работал очень много, буквально с утра до ночи. Но это никогда не было «каторжной работой», – наоборот, работал он весело, со вкусом, с аппетитом, с удивительной и завидной легкостью, – так работали, вероятно, когда-то мастера Возрождения.

Леонид Пантелеев, писатель

В памяти людей, близко знавших Евгения Львовича, живет необыкновенно светлый, цельный, сосредоточенный человек, которому мудрость его давно уже принесла душевную непоколебимость и высокое сознание художественной правоты. Именно таким Евгений Львович и был на самом деле. Иначе он не мог бы стать сказочником, иначе воображение его не обрело бы такой удивительной власти над всеми нами.

Сергей Цимбал, театровед

В редакциях «Ежа» и «Чижа» любили и умели шутить, любили и умели рассказывать. И первым рассказчиком был Евгений Львович. Артистизм в счастливом сочетании с юмором и незлобной иронией, с легкостью, витавшей над неисчислимым множеством выдумок, – вот, что такое был устный рассказ Шварца, возникавший тут же, на месте.

Исай Рахтанов, писатель

Сказочная форма, олицетворение фашизма в отвратительном образе дракона, принимавшего разные обличья, неопределенность национальности города, подавленного двухсотлетним владычеством Дракона, – давали возможность выступать против коричневой чумы без риска дипломатического конфликта.

Николай Акимов, театральный режиссер

Вскоре началась война. ... в ту пору я видел разных людей – подтянутых, с отважными взглядами, растерянных, с бегающими глазами ... Шварц был почти таким, как обычно. Разве, что привычная ирония не вплеталась в его слова. Он сказал, что завидует тем, кто на фронте. ... Я спросил, что он делает, что намерен делать? «Какие наши дела? ...Пишу... И по дому разная возня, дежурства и прочие мелочи». Несколько позже от товарищей, приехавших в нашу армию из города, я узнал, о какой «возне», о каких «мелочах» говорил Шварц. Оказалось, что он часами дежурил на крыше писательского дома на канале Грибоедова и гасил вражеские «зажигалки».

Александр Дышиц, литературный и театральный критик

Я не встречал в своей жизни людей, которые столь же ясно и предметно, как он, столь же определенно и зримо представляли бы себе одновременно и силу человека и его слабость, красоту и уродство, значительность и мизерность. ... Казалось, что если он прикоснется к этой самой значительности или мизерности, то услышит звон стекла или громыхание железа, стук дерева или плеск воды, скрип или шорох.

Сергей Цимбал, театровед

Литература

- Живу беспокойно ... : Из дневников / Евгений Шварц. – Ленинград : Советский писатель, 1990. – 752 с. : ил.
Житие сказочника : Евгений Шварц : Из автобиографической прозы. Письма. Воспоминания о писателе. – Москва : Книжная палата, 1991. – 368 с.
Позвонки минувших дней / Евгений Шварц. – Москва : Вагриус, 2008. – 526 с. : ил. – (Мой 20 век).
Позвонки минувших дней : Дневники и письма. Произведения 40-х–50-х годов. – Москва : Корона-принт, 1999. – 608 с. : ил. : фотогр.
Предчувствие счастья : Дневники. Произведения 20-х–30-х годов. Стихи и письма. – Москва : Корона-принт, 1999. – 656 с. : ил. : фотогр.

- Биневич Е. М. Евгений Шварц : хроника жизни / Евгений Биневич. – Санкт-Петербург, 2008. – 636 с. : ил.
Жеймо Я. Длинный путь от барабанщицы в цирке до Золушки в кино / Янина Жеймо. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. – 280 с.
Майкоп глазами сказочника : (К 120-летию со дня рождения Е. Шварца) : экскурсия по городу Майкопу / Научная библиотека ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»; составитель И. Б. Константинова. – Майкоп, 2017. – 36 с. : ил.
Материалы Первых историко-литературных Шварцевских чтений (11 ноября 2011 года) / Национальная библиотека Республики Адыгея; [составитель И. Б. Константинова]. – Майкоп, 2012. – 112 с.
Мы знали Евгения Шварца / [составители З. Никитина, Л. Рахманов]. – Ленинград – Москва : Искусство, 1966. – 232 с. : ил.

Содержание

Предисловие	3
Майкопские годы	4
Современники о писателе	15
Литература	17

«Кто-то любит страсти,
а кто-то любит тихую радость,
и сердце свое не позволит себе отдать никому
милосердью, дружбой, любовью, а сердце — припасено»
Е. Шварц, "Кавказ"»